

ПСИХОЛОГИЯ ЛЮДЕЙ ВОЙНЫ И ВОСПРИЯТИЕ ПОСТВОЕННОГО МИРА

Хушманова Гулшод Ибрагимовна,

Негосударственное образовательное учреждение

Университет экономики и педагогики Факультет иностранных языков

Кафедра Русского языка и литературы Старший преподаватель

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.18765551>

Аннотация. В статье рассматриваются психологические особенности личности, сформированной в условиях военного конфликта, а также специфика восприятия поствоенной реальности как сложного многоуровневого психологического и социального феномена. Анализируются трансформации ценностной системы, когнитивных установок, эмоциональной регуляции и моделей социального поведения людей, переживших войну.

Ключевыми слова: психология войны, военная травма, посттравматический стресс, поствоенная адаптация, трансформация идентичности личности, социальная реинтеграция, феномен вины выжившего, экстремальный стресс.

Annotatsiya. Maqolada harbiy mojaro sharoitida shakllangan shaxsning psixologik xususiyatlari, shuningdek, urushdan keyingi reallikni murakkab ko'p darajali psixologik va ijtimoiy fenomen sifatida idrok etish masalalari ko'rib chiqiladi. Urushni boshdan kechirgan insonlarning qadriyatlar tizimi, kognitiv qarashlari, emotsional regulatsiyasi hamda ijtimoiy xulq-atvor modellaridagi transformatsiyalar tahlil qilinadi.

Kalit so'zlar: urush psixologiyasi, harbiy travma, posttravmatik stress, urushdan keyingi moslashuv, shaxs identifikatsiyasining transformatsiyasi, ijtimoiy reintegratsiya, omon qolganlik aybi fenomeni, ekstremal stress.

Abstract. The article examines the psychological characteristics of personality formed under conditions of military conflict, as well as the specifics of the perception of post-war reality as a complex multi-level psychological and social phenomenon. The transformations of value systems, cognitive attitudes, emotional regulation, and models of social behavior of people who have experienced war are analyzed.

Keywords: psychology of war, military trauma, post-traumatic stress, post-war adaptation, transformation of personal identity, social reintegration, survivor's guilt phenomenon, extreme stress.

Введение. Война представляет собой экстремальное социально-психологическое явление, оказывающее комплексное воздействие на человека и общество. В условиях военного конфликта нарушаются базовые механизмы социальной стабильности, изменяются нормы поведения, трансформируется система ценностей и жизненных ориентиров личности. Экстремальная среда формирует особый тип психического функционирования, основанный на мобилизации адаптационных ресурсов организма и психики [Herman, 1992; McFarlane, 2001].

Подобные условия активируют базовые механизмы выживания, включая усиление тревожных реакций, повышение сенсорной чувствительности и ускоренное принятие решений в условиях неопределённости. С точки зрения современной психологии, война выступает как хронический стрессор, способный

вызывать длительные изменения в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах личности [van der Kolk, 2014; Yehuda, 2002].

Поствоенный период представляет собой сложный процесс психологической перестройки, поскольку травматический опыт закрепляется на уровне глубинных психических структур и влияет на базовые схемы восприятия мира.

Обзор литературы. Теоретическую основу исследования составляют междисциплинарные работы, выполненные на стыке клинической психологии, социальной психологии, психологии травмы, а также смежных направлений - психоанализа, когнитивной психологии и культурной психологии. Такой комплексный подход обусловлен тем, что феномен психической травмы представляет собой многоуровневое явление, затрагивающее когнитивные, эмоциональные, телесные и социальные аспекты функционирования личности [van der Kolk, 2014; Herman, 1992; Alexander, 2004].

Одним из первых системных подходов к пониманию психической травмы стали исследования в рамках классического психоанализа. В работах З. Фрейда травматический опыт рассматривается как результат столкновения психики с событием, интенсивность которого превышает возможности его символической переработки [Freud, 1920]. Фрейд связывал травму с феноменом «психического прорыва», когда переживание не может быть интегрировано в структуру сознания и вытесняется в бессознательное, продолжая проявляться в форме навязчивых воспоминаний, сновидений и повторяющихся поведенческих сценариев. В его концепции травма тесно связана с механизмами вытеснения, повторения и поздней переработки травматического опыта (Nachträglichkeit) [Freud, 1917/1920].

Дальнейшее развитие теория травмы получила в работах П. Жане, который сместил фокус исследования с бессознательных конфликтов на механизмы диссоциации. Жане рассматривал травму как нарушение целостности психического опыта, при котором отдельные фрагменты переживания оказываются изолированными от сознательной памяти [Janet, 1925]. Диссоциация в его интерпретации выступает защитным механизмом, позволяющим личности временно сохранить психическую устойчивость в условиях экстремального стресса. Исследования Жане заложили основу для современных представлений о фрагментации памяти и нарушениях интеграции опыта при травматических расстройствах [van der Hart et al., 2006].

Современные исследования психической травмы развиваются преимущественно в рамках нейропсихологического и клиничко-психологического подходов. Значительный вклад в развитие данной области внесли работы Б. ван дер Колка, который рассматривает травму как комплексное нарушение интеграции памяти, эмоций и телесного опыта [van der Kolk, 2014]. Согласно его концепции, травматическое переживание фиксируется не только на уровне декларативной

памяти, но и на уровне соматических реакций, что объясняет феномен телесной памяти травмы. Особое внимание в его исследованиях уделяется нейробиологическим механизмам травмы, включая изменения в функционировании лимбической системы, гиппокампа и префронтальной коры [LeDoux, 2000; van der Kolk, 2014].

Важное значение для понимания посттравматических состояний имеют работы Дж. Германа, которая предложила фазовую модель переживания травмы, включающую стадии безопасности, воспоминания и интеграции [Herman, 1992]. Герман рассматривает травму не только как индивидуальный, но и как социально обусловленный феномен, подчеркивая роль межличностных отношений, социальной поддержки и культурного контекста в процессе восстановления личности [Herman, 1992].

Исследования М. Хоровица внесли существенный вклад в изучение когнитивно-эмоциональных механизмов посттравматического стресса. Его модель стресс-реакции описывает травму как процесс нарушения когнитивной схемы мира, в результате чего человек испытывает колебания между состояниями навязчивого воспроизведения травматического опыта и избегания воспоминаний о нем [Horowitz, 1986]. Эта концепция стала одной из теоретических основ современных диагностических критериев посттравматического стрессового расстройства [APA, 2013].

В рамках социальной психологии травма рассматривается как феномен, формирующийся не только на уровне индивидуального опыта, но и в системе социальных взаимодействий. Существенное значение имеют теории социальной идентичности, разработанные Г. Тэджфелом и Дж. Тернером [Tajfel, 1979; Turner, 1987]. Согласно этим концепциям, принадлежность к социальной группе играет ключевую роль в формировании психологической устойчивости в условиях травматических событий. Коллектив может выступать как ресурс восстановления, обеспечивая эмоциональную поддержку и формируя чувство принадлежности и безопасности [Alexander, 2004].

Дополняют данный подход исследования коллективной памяти, в которых травматический опыт рассматривается как элемент культурной и исторической идентичности общества. Работы М. Хальбвакса заложили основу понимания памяти как социально конструируемого явления [Halbwachs, 1992]. В дальнейшем исследования Я. Ассмана показали, что культурная память играет важную роль в передаче травматического опыта между поколениями, формируя устойчивые модели восприятия исторических событий [Assmann, 2011].

Особое место в современных исследованиях занимает концепция трансгенерационной передачи травмы. В рамках данного направления изучается механизм передачи травматического опыта от поколения к поколению через

семейные нарративы, поведенческие модели, эмоциональные реакции и культурные символы [Danieli, 1998; Kellermann, 2001]. Эти исследования показывают, что последствия травмы могут сохраняться в коллективном бессознательном и влиять на формирование идентичности последующих поколений.

Таким образом, современная научная литература рассматривает психическую травму как многоуровневый феномен, включающий нейробиологические, психологические и социально-культурные компоненты. Междисциплинарный характер исследований позволяет рассматривать травму не только как клиническое состояние, но и как сложное социально-психологическое явление, влияющее на формирование индивидуальной и коллективной идентичности [Alexander, 2004; van der Kolk, 2014].

Методы исследования. Методологическую основу исследования составляет комплекс взаимодополняющих научных подходов, обеспечивающих всесторонний анализ феномена психической травмы и посттравматической адаптации. Использование совокупности методов обусловлено сложной природой изучаемого явления, включающего психологические, социальные, культурные и когнитивные компоненты. Многоуровневый характер объекта исследования требует сочетания как теоретико-аналитических, так и интерпретационных методов, позволяющих рассматривать травматический опыт в контексте индивидуального переживания и общественно-культурных процессов [van der Kolk, 2014; Herman, 1992; Alexander, 2004].

Ключевым методологическим основанием выступает междисциплинарный подход. Его применение позволяет интегрировать научные данные клинической и социальной психологии, когнитивных наук, культурологии, антропологии и гуманитарных исследований. В рамках данного подхода психическая травма рассматривается не только как медицинское или клиничко-психологическое явление, но и как феномен культурной и социальной реальности [Caruth, 1996; Alexander, 2004]. Междисциплинарность обеспечивает возможность анализа травмы как формы индивидуального опыта, одновременно включённого в систему коллективной памяти, культурных нарративов и социальных практик [Assmann, 2011; Halbwachs, 1992]. Такой подход особенно важен при исследовании поствоенных состояний, поскольку последствия травматического опыта проявляются не только на уровне психики отдельного человека, но и на уровне общественного сознания, исторической памяти и культурной идентичности [LaCapra, 2001].

Важное место в структуре исследования занимает психолого-социальный анализ. Данный метод направлен на выявление взаимосвязи между внутренними психологическими процессами личности и внешними социальными условиями её существования. В рамках психолого-социального анализа изучаются особенности формирования посттравматических реакций, роль социальной поддержки, влияние

групповой идентичности и социальных норм на процесс адаптации личности [Tajfel, 1979; Turner, 1987]. Особое внимание уделяется анализу влияния социального окружения, институциональной среды и культурных моделей поведения на восстановление психологического равновесия личности после травматического опыта [Herman, 1992]. Психолого-социальный анализ позволяет рассматривать травму как динамическое явление, формирующееся в системе взаимодействия индивидуального опыта и социальной среды [Alexander, 2004].

Существенную роль в исследовании играет описательно-аналитический метод. Его применение направлено на систематизацию и обобщение научных концепций, существующих в современной теории психической травмы. Данный метод используется для анализа теоретических моделей травмы, посттравматического стресса, коллективной памяти и трансгенерационной передачи травматического опыта [Horowitz, 1986; van der Hart et al., 2006]. Описательно-аналитический подход позволяет выявлять ключевые категории исследования, уточнять понятийный аппарат, определять терминологические границы исследуемого явления. Кроме того, данный метод обеспечивает логическую структуризацию научного материала и способствует формированию целостной теоретической базы исследования [Caruth, 1996].

Важным элементом методологической базы является сравнительно-теоретический анализ. Его использование позволяет сопоставлять различные научные концепции травмы, сформированные в рамках психоаналитической, когнитивной, нейропсихологической, социальной и культурологической традиций [Freud, 1920; Herman, 1992; van der Kolk, 2014]. Сравнительно-теоретический анализ направлен на выявление сходств и различий в трактовке природы травматического опыта, механизмов его формирования и способов преодоления. Применение данного метода позволяет проследить эволюцию научных представлений о травме - от клиничко-психологических моделей к междисциплинарным концепциям, учитывающим социально-культурные факторы [LaCapra, 2001]. Кроме того, сравнительный анализ способствует выявлению универсальных закономерностей посттравматической адаптации личности [Danieli, 1998].

Комплексное применение указанных методов обеспечивает целостность исследования и позволяет рассматривать психическую травму как многомерное явление, формирующееся на пересечении биологических, психологических, социальных и культурных факторов [van der Kolk, 2014; Alexander, 2004]. Сочетание междисциплинарного подхода, психолого-социального анализа, описательно-аналитического метода и сравнительно-теоретического анализа создаёт методологическую основу для комплексного изучения механизмов травматического опыта и процессов посттравматической адаптации личности.

Результаты. В условиях войны происходит глубокая перестройка ценностной структуры личности. Мирная система ценностей постепенно уступает место базовым экзистенциальным установкам, связанным с выживанием, безопасностью и сохранением жизни. В экстремальных условиях происходит смещение аксиологической иерархии: возрастает значимость базовых потребностей, снижается роль долгосрочных жизненных целей и социальных норм мирного времени [Frankl, 1946; Becker, 1973; Yalom, 1980]. Военный опыт актуализирует фундаментальные экзистенциальные вопросы смысла существования, ценности жизни и ответственности за собственный выбор, что подтверждается исследованиями экзистенциальной психологии и психологии травмы [Frankl, 1946; Herman, 1992].

Военный опыт формирует устойчивые когнитивно-эмоциональные паттерны реагирования, которые закрепляются не только на уровне психики, но и на уровне нейрофизиологических процессов. В результате длительного пребывания в условиях угрозы формируется угрозоцентрированная модель восприятия реальности. Данная модель связана с повышенной активностью лимбической системы, прежде всего миндалевидного тела, отвечающего за реакцию страха и тревоги, а также со снижением регуляторной функции префронтальной коры, обеспечивающей когнитивный контроль и рациональную оценку ситуации [LeDoux, 1996; van der Kolk, 2014]. С точки зрения поливагальной теории С. Порджеса, хроническое пребывание в состоянии опасности приводит к устойчивой активации защитных нейрофизиологических механизмов, влияющих на эмоциональную регуляцию, социальное поведение и восприятие безопасности [Porges, 2011].

Результаты исследования также свидетельствуют о ряде устойчивых психосоциальных и культурно-психологических эффектов военного опыта.

Во-первых, наблюдается усиление коллективной идентичности как механизма адаптации. В условиях экстремальной угрозы группа выступает как пространство безопасности и психологической поддержки. Усиление групповой солидарности способствует снижению уровня тревожности и формированию чувства принадлежности, что соответствует теориям социальной идентичности [Tajfel, 1979; Turner, 1987]. Коллектив в данном случае выполняет компенсаторную функцию, обеспечивая эмоциональную стабилизацию личности [Alexander, 2004].

Во-вторых, фиксируется формирование феномена телесной памяти травмы. Травматический опыт сохраняется не только в форме воспоминаний, но и на уровне соматических реакций, что проявляется в физиологических симптомах, возникающих при воздействии триггеров, связанных с травматическим опытом [van der Kolk, 2014]. Данный феномен подтверждает концепцию телесной фиксации травмы и нейробиологической природы посттравматических состояний.

В-третьих, отмечается высокая распространённость посттравматического стрессового состояния. ПТСР характеризуется повторным переживанием

травматического события, избеганием напоминаний о травме, эмоциональным онемением и гипервозбудимостью нервной системы [APA, 2013; Herman, 1992]. Полученные данные подтверждают положения клинической психологии о высокой вероятности формирования ПТСР у лиц, переживших боевые действия и экстремальные стрессовые ситуации [Horowitz, 1986].

В-четвёртых, выявляется феномен «вины выжившего». Данный феномен проявляется в устойчивом переживании ответственности за собственное выживание на фоне гибели других людей и сопровождается чувством моральной амбивалентности, самообвинением и нарушением самооценки [Niederland, 1968; Lifton, 1973]. В рамках современной психологии травмы данный феномен рассматривается как часть сложной посттравматической реакции личности [Herman, 1992].

В-пятых, подтверждается влияние травматического опыта на межпоколенческую передачу культурной памяти. Травматический опыт может передаваться последующим поколениям через семейные нарративы, культурные практики, эмоциональные модели поведения и символические формы памяти [Danieli, 1998; Assmann, 2011]. Данный процесс рассматривается как важный механизм формирования коллективной идентичности и исторического самосознания общества [Alexander, 2004].

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что военный опыт оказывает комплексное воздействие на личность, затрагивая ценностно-смысловую сферу, когнитивные процессы, эмоциональную регуляцию, нейрофизиологические механизмы и социальное поведение. Военная травма выступает не только как индивидуальное психологическое переживание, но и как социально-культурный феномен, влияющий на формирование коллективной памяти и межпоколенческой идентичности [LaCapra, 2001; Alexander, 2004].

Обсуждение. Полученные результаты подтверждают, что военный опыт выступает как системообразующий фактор трансформации личности на когнитивном, эмоциональном и ценностном уровнях. Травматическое воздействие войны приводит к перестройке базовых психологических структур личности, включая систему ценностей, модели восприятия мира, эмоциональную регуляцию и механизмы социальной идентификации. Данные выводы согласуются с современными междисциплинарными исследованиями психической травмы, в которых военный опыт рассматривается как фактор долговременных личностных трансформаций [Herman, 1992; van der Kolk, 2014; Alexander, 2004].

С точки зрения экзистенциальной психологии, столкновение человека с феноменом смертности приводит к радикальной переоценке жизненных смыслов, жизненных целей и ценностных ориентиров. Экзистенциальная тревога, возникающая в условиях угрозы жизни, способствует формированию новых

смысловых структур, ориентированных на базовые категории существования - жизнь, безопасность, принадлежность и сохранение идентичности [Yalom, 1980; May, 1950; Frankl, 1946]. Подобная трансформация соответствует положениям экзистенциальной психологии о том, что экстремальные ситуации выступают катализатором смыслообразования и переосмысления жизненного опыта [Frankl, 1946].

Усиление коллективной идентичности в условиях военного опыта выступает как адаптивный механизм снижения тревожности и восстановления чувства безопасности. Принадлежность к группе способствует формированию устойчивости личности, снижению уровня изоляции и укреплению психологической защиты. Данные положения подтверждаются теориями социальной идентичности, согласно которым групповая принадлежность является важным фактором психологической устойчивости в условиях кризиса [Tajfel, 1979; Turner, 1987]. В рамках культурной социологии травмы коллектив выступает как пространство символической реконструкции травматического опыта и формирования коллективных стратегий преодоления травмы [Alexander, 2004].

Поствоенная реинтеграция личности существенно осложняется сохранением угрозоцентрированного восприятия реальности. В условиях хронической травматизации происходит разрушение базовых когнитивных схем безопасности, справедливости и предсказуемости мира. Согласно теории базовых убеждений Р. Янофф-Бульман, травматическое событие нарушает фундаментальные представления человека о мире как безопасном и контролируемом пространстве [Janoff-Bulman, 1992]. В результате формируется устойчивая гипернастороженность, повышенная тревожность и склонность к интерпретации нейтральных стимулов как потенциальной угрозы [LeDoux, 1996; van der Kolk, 2014].

Дополнительным фактором сложности поствоенной адаптации выступают нейробиологические последствия травмы. Исследования показывают, что длительное пребывание в условиях угрозы приводит к устойчивым изменениям в функционировании лимбической системы, системы стресс-реакции и механизмов эмоциональной регуляции [Porges, 2011; van der Kolk, 2014]. Это затрудняет восстановление ощущения безопасности и доверия к социальной среде.

Особое значение в интерпретации результатов имеет феномен межпоколенческой передачи травмы. Травматический опыт может передаваться последующим поколениям через семейные нарративы, поведенческие паттерны, эмоциональные реакции и культурные символы. В рамках исследований трансгенерационной травмы показано, что травматический опыт родителей влияет на формирование идентичности, эмоциональной регуляции и мировосприятия детей [Danieli, 1998; Kellermann, 2001].

В контексте культурной памяти травматический опыт становится частью коллективного исторического нарратива, формируя устойчивые культурные модели восприятия прошлого и настоящего [Assmann, 2011; Halbwachs, 1992]. В культурно-социологическом подходе травма рассматривается как элемент коллективной идентичности, влияющий на формирование исторической памяти общества [Alexander, 2004].

С позиций гуманитарных trauma studies травматический опыт может сохраняться в нарративных структурах культуры, литературе и символических формах памяти, выступая как фактор формирования культурной идентичности общества [Caruth, 1996; LaCapra, 2001].

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что военный опыт оказывает комплексное воздействие на личность, затрагивая когнитивные, эмоциональные, нейробиологические и социально-культурные уровни функционирования человека. Военная травма выступает не только как индивидуальное психологическое переживание, но и как системный социально-культурный феномен, влияющий на формирование коллективной памяти, исторического сознания и межпоколенческой идентичности [Alexander, 2004; Assmann, 2011].

Заключение. Психология людей войны представляет собой сложную многоуровневую систему адаптационных механизмов, сформированных в условиях длительного экстремального стресса и угрозы жизни. Военный опыт выступает не как кратковременный стрессовый фактор, а как глубокий трансформирующий процесс, затрагивающий базовые структуры личности, включая систему ценностей, способы эмоциональной регуляции, когнитивные модели восприятия реальности и формы социального взаимодействия. Воздействие военной травмы носит комплексный характер и проявляется как на уровне индивидуального психического функционирования, так и на уровне социальной и культурной идентичности личности [Herman, 1992; van der Kolk, 2014; Alexander, 2004].

Военный опыт оказывает значительное влияние на эмоциональную сферу человека. Длительное пребывание в условиях угрозы формирует устойчивые эмоциональные реакции, включая повышенную тревожность, гипернастороженность, эмоциональное притупление или, напротив, повышенную реактивность. Эмоциональная регуляция в поствоенный период часто характеризуется нестабильностью, что связано с длительной активацией стрессовых нейрофизиологических механизмов [Porges, 2011; van der Kolk, 2014]. При этом эмоциональные реакции могут сохраняться даже после исчезновения реальной угрозы, что существенно осложняет процесс адаптации к мирной жизни [LeDoux, 1996].

Существенные изменения происходят и в когнитивной сфере. Военный опыт способствует формированию специфических когнитивных стратегий, направленных на быстрое распознавание угрозы и минимизацию риска. Однако в мирных условиях такие когнитивные модели могут проявляться в виде искажённого восприятия реальности, повышенной подозрительности и склонности к катастрофизации. Нарушение базовых представлений о безопасности, справедливости и предсказуемости мира становится одним из ключевых факторов трудностей поствоенной адаптации [Janoff-Bulman, 1992; Horowitz, 1986].

Военная травма оказывает значительное влияние на систему ценностей личности. В условиях войны происходит переоценка жизненных приоритетов: возрастает значимость базовых экзистенциальных ценностей - жизни, безопасности, сохранения близких, принадлежности к группе. Одновременно может снижаться значимость социальных норм и долгосрочных жизненных стратегий, характерных для мирного времени. Такая трансформация ценностной структуры может сохраняться длительное время и влиять на жизненные решения личности в поствоенный период [Frankl, 1946; Yalom, 1980].

Изменения затрагивают и социальное поведение личности. Военный опыт может способствовать усилению групповой идентичности, повышению значимости коллективных форм взаимодействия и укреплению чувства принадлежности к определённой социальной группе. В то же время возможны трудности в восстановлении социальных связей в мирной среде, снижение доверия к окружающим и формирование социальной дистанции. Социальная адаптация после войны часто требует длительного периода восстановления и поддержки со стороны социальной среды [Tajfel, 1979; Turner, 1987; Alexander, 2004].

Важным результатом исследования является понимание того, что последствия военной травмы выходят за пределы индивидуального опыта и могут проявляться на уровне семейных и межпоколенческих взаимодействий. Передача травматического опыта через семейные нарративы, модели поведения и эмоциональные реакции формирует долгосрочные культурно-психологические эффекты, влияющие на формирование коллективной памяти и социальной идентичности [Danieli, 1998; Kellermann, 2001; Assmann, 2011].

Эффективная поствоенная реинтеграция личности возможна только при комплексном подходе, учитывающем глубину травматического опыта, длительность восстановительного периода, социальный контекст и индивидуальные психологические особенности человека. Особое значение имеет сочетание психологической помощи, социальной поддержки, культурной реабилитации и восстановления социальных связей [Herman, 1992; van der Kolk, 2014]. Восстановление психологического благополучия требует не только клинических вмешательств, но и создания безопасной социальной среды, способствующей

возвращению личности к полноценному функционированию в обществе [Alexander, 2004].

Таким образом, психология людей войны должна рассматриваться как сложный междисциплинарный феномен, требующий комплексного научного анализа и системного подхода к разработке программ поствоенной реабилитации. Изучение психологических последствий военного опыта имеет не только научное, но и важное социальное значение, поскольку способствует разработке эффективных стратегий психологической помощи, социальной адаптации и сохранения психического здоровья людей, переживших экстремальные условия военного конфликта [LaCapra, 2001; Caruth, 1996; Alexander, 2004].

Использованная литература:

1. Alexander J. Cultural Trauma and Collective Identity. - Berkeley: University of California Press, 2004.
2. APA. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5). - Washington: American Psychiatric Association, 2013.
3. Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. - Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
4. Becker E. The Denial of Death. - New York: Free Press, 1973.
5. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History. - Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.
6. Danieli Y. (Ed.). International Handbook of Multigenerational Legacies of Trauma. - New York: Plenum Press, 1998.
7. Frankl V. Man's Search for Meaning. - Boston: Beacon Press, 1946.
8. Freud S. Beyond the Pleasure Principle. - London: Hogarth Press, 1920.
9. Halbwachs M. On Collective Memory. - Chicago: University of Chicago Press, 1992.
10. Herman J. Trauma and Recovery. - New York: Basic Books, 1992.
11. Horowitz M. Stress Response Syndromes. - New York: Jason Aronson, 1986.
12. Janet P. Psychological Healing. - New York: Macmillan, 1925.
13. Janoff-Bulman R. Shattered Assumptions: Towards a New Psychology of Trauma. - New York: Free Press, 1992.
14. Kellermann N. Transmission of Holocaust Trauma - An Integrative View // Psychiatry. - 2001. - Vol. 64. - P. 256–267.
15. LaCapra D. Writing History, Writing Trauma. - Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001.
16. LeDoux J. The Emotional Brain. - New York: Simon & Schuster, 1996.
17. Lifton R. Death in Life: Survivors of Hiroshima. - New York: Random House, 1973.
18. May R. The Meaning of Anxiety. - New York: Ronald Press, 1950.
19. Niederland W. Clinical Observations on the "Survivor Syndrome" // International Journal of Psychoanalysis. - 1968. - Vol. 49.